

Никон Рождественский Николай Иванович

**Мои дневники архиепископ
Никон**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Р62

Р62 **Рождественский Николай Иванович Н.**
Мои дневники архиепископ Никон / Никон Рождественский Николай Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 186 с.

ISBN 978-5-519-99834-5

ISBN 978-5-519-99834-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МОИ ДНЕВНИКИ.

1916.

301.

Наше счастье—въ обновленіи жизни.

(Къ Новому году).

Благослови, Господи, вънецъ лѣта благодати Твоея.

Съ такою молитвою святая Церковь обращается въ день новаго года къ Творцу временъ и Царю вѣковъ, единому безначальному и превѣчному, Который положилъ времена и лѣта въ Своей власти и Единъ вѣдаеть, когда кончится самое время и настанетъ вѣчность. „Всему свое время и время всякой вещи подъ небомъ, говоритъ премудрый Соломонъ. Время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать насажденное. Время строить и время разрушать; время плакать и время смѣяться. Время искать и время терять; время молчать и время говорить; время любить и время ненавидѣть; время войнѣ и время миру“ (Эккл. 3, 1—8). Но повторяю: будетъ наконецъ время, когда и самому времени придетъ конецъ: настанетъ вѣчность.

Мы и живемъ на свѣтѣ только для того, чтобъ приготовиться къ вѣчности. И все, что насъ окружаетъ, напоминаетъ намъ о томъ, что ничто не вѣчно на землѣ. Подумать

только: какія были великія царства: Египетъ, Вавилонъ, Ассирія, Римъ, Византія—гдѣ они? Гдѣ, много ли осталось отъ нихъ памятниковъ ихъ славы, могущества, роскоши и искусства? Да что говорить о древнихъ народахъ: оглянитесь на современные царства: въ нѣсколько мѣсяцевъ не стало трудолюбивой Бельгіи, истерзаны прекрасная Франція, наша Польша, родная намъ Сербія, разрушены чудные памятники зодчества въ родѣ Реймскаго собора, уничтожаются съ какою-то сатанинской, непонятной для здравомыслящаго человѣка, злобою, музеи древностей, искусства, а объ истребленіи, почти поголовномъ истребленіи людей и говорить нечего... Мы переживаемъ ужасы, какихъ, кажется, не было отъ созданія міра: по крайней мѣрѣ, въ исторіи народовъ земныхъ ничего не было подобнаго по тѣмъ размѣрамъ этихъ ужасовъ, какіе проходятъ на нашихъ глазахъ. Не напрасно иные добрые люди говорятъ: блаженны

мертвые, умирающіе о Господѣ: они почиваютъ отъ трудовъ своихъ, они не видятъ того, что терзаетъ наше сердце; они почил мирнымъ сномъ и ждутъ всеобщаго воскресенія, ждутъ трубы архангельской, которая разбудитъ ихъ въ послѣдній день для встрѣчи грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ Господа. Они ушли въ ту страну, гдѣ, по обѣтованію Церкви, для вѣрующихъ и въ вѣрѣ и упованіи жизни вѣчныя скончавшихся уже нѣтъ ни печали, ни воздыханія. А мы, грѣшныя... Мы все еще стенаемъ въ юдоли плачевной, все еще обуреваемъ волнами не только житейскихъ попеченій, но и тяжкихъ бѣдъ и напастей и переживаемъ страшное время, когда смерть, какъ темная тѣнь летаетъ надъ головами близкихъ намъ воиновъ, родныхъ нашихъ братьевъ, сыновъ, дорогихъ нашихъ друзей... И кто знаетъ, что ждетъ насъ въ наступающемъ году? Скоро ли и чѣмъ кончится эта ужасная война? Скоро ли Господь сниметъ съ нашихъ подвижниковъ-воиновъ тяжелый голгѣскій крестъ? Скоро ли настанутъ времена мирныя и нашимъ братьямъ-бѣженцамъ приведетъ Богъ вернуться на свои пепелища, возстановитъ родные храмы Божіа, устроитъ свои разоренныя гнѣзда?..

Но не будемъ, братья, унывать! Уныніе есть одинъ изъ смертныхъ грѣховъ. Да и нѣтъ причины къ безнадежному унынію. Вѣдь, надо твердо помнить, что Богъ одного отъ насъ хочетъ—сыне, говорятъ Онъ, *даждь Ми твое сердце!* А чтобъ отдать Богу свое сердце, надо прежде очистить его слезами покаянными. А у Бога ужъ такой законъ: *сердце сокрушенно и смиренно Онъ никогда не уничтожитъ.* *Грядущаго ко Мнѣ, говоритъ Господь нашъ, не изгдену вонъ.* Кто

себя всецѣло предалъ Богу, того Богъ и очиститъ, и обновитъ, и содѣлаетъ новымъ твореніемъ во Христѣ Іисусѣ. „Предай себя Богу какъ глина горшечнику“, говаривалъ одинъ старецъ, „и Богъ содѣлаетъ изъ тебя сосудъ благопотребный для благодати Своей“! Не напрасно устами одного невиннаго младенца Духъ Божій изрекъ, что во всей молитвѣ Господней самое главное, самое нужное прошеніе: *да будетъ воля Твоя, Отче нашъ!* Это прошеніе совмѣщаетъ въ себѣ, въ сущности, всѣ другія прошенія. Въ самомъ дѣлѣ: есть воля Божія на то, чтобы въ насъ и чрезъ насъ святылось и прославлялось всесвятое имя Божіе; есть воля Божія на то, чтобъ содѣлались мы причастниками царствія Его; хочетъ Богъ питать насъ и хлѣбомъ насущнымъ, хочетъ, чтобъ мы подражали Его милосердію въ прощеніи ближнимъ нашимъ, дабы самимъ намъ заслужить прощеніе отъ Бога; не хочетъ Господь вводить насъ въ непосильное искушеніе и всегда готовъ избавить насъ отъ лукаваго—какъ отъ отца всякаго лукавства—дѣвола, такъ и отъ всѣхъ исчадій его—всѣхъ бѣдъ и напастей... Итакъ, хочешь ли себѣ и родной своей Россіи счастья, мира, всего, чѣмъ благословляетъ Господь любящихъ Его?—Немудрствуй много: предай себя всецѣло волѣ и водительству Божію и самъ исполняй волю Божію, въ чемъ всегда готовъ тебѣ помогать Господь Своею благодатію, и ты увидишь, яко благу Господь ко всѣмъ ищущимъ Его и исполняющимъ святыя заповѣди Его. Твое сердце ощутитъ желанный миръ, ты готовъ будешь понести всѣ скорби, всѣ лишенія, если судить сіе Господь; а если и всѣ мы, русскіе люди, пойдемъ симъ путемъ, то для всѣхъ насъ, для всей Русской земли начнется новая жизнь, новое счастье.

Исчезнетъ всякая тѣнь унынія, ибо благословить Господь всѣхъ насъ, всю нашу Русь православную, во всѣхъ путяхъ нашихъ, и увѣнчаетъ побѣдами воинство наше и миромъ отечество наше.

Видите, возлюбленные: все зависить отъ насъ, отъ нашего добраго произволенія — обратиться къ Господу цѣлымъ сердцемъ и взыскать пути Его покаяніемъ и исправленіемъ жизни своей. Повторяю: Господь всегда готовъ съ Своею благодатною помощію, чтобъ встрѣтить съ распростертыми объятіями, Онъ ждетъ насъ, какъ благодѣтельный отецъ встрѣчалъ блуднаго сына. Надо начать новую жизнь. Мы вступаемъ въ новый годъ: пусть и жизнь наша начнется по новому, по-божьи. *Се нынѣ начинаю*, какъ говорить

пѣснопѣвецъ. „Каждый день полагай начало“, говорить и святые отцы. Аще падеши—востани, помни: не тотъ грѣшникъ, кто падаетъ и тотчасъ же встаетъ, кается, отъ грѣха своего отрекается, а тотъ, кто палъ и лежитъ, не хочетъ встать, валяется въ грязи грѣха своего и не хочетъ видѣть простертую къ нему десницу Божию, зовущую его къ покаянію, указующую ему путь спасенія въ дѣланіи заповѣдей Господнихъ.

Начнемъ же съ новаго года новую жизнь: къ этому зоветъ насъ Господь и словомъ евангельскимъ, и нашею совѣстію, и самыми бѣдствіями тяжелой, жестокой войны. Благослови, Господи, вѣнецъ лѣта благодію Твоею! Аминь.

302.

НѢЧТО О ПЕРЕОЦѢНКѢ ИДЕЙНЫХЪ ЦѢННОСТЕЙ.

Мы живемъ въ вѣкъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Какъ будто люди согласились въ томъ, что всѣ, кто жилъ раньше насъ, не умѣли оцѣнить, какъ слѣдуетъ, все, что подлежитъ оцѣнкѣ, а вотъ теперь, люди стали-де умнѣе и отвергая прежнюю оцѣнку, все переоцѣниваютъ по-новому, по-своему. Всѣмъ хочется сказать какое-то новое слово, всѣмъ хотѣлось бы показать, что они—не отсталые „ретрограды“, а люди „просвѣщенные“, съ „прогрессивнымъ направленіемъ“. Одно только забываютъ: чтобъ быть оцѣнщикомъ, надо быть во-первыхъ совершенно честнымъ человѣкомъ, а во-вторыхъ—свѣдущимъ въ той области, къ какой относится переоцѣниваемый предметъ. Честный человѣкъ не станетъ оцѣнивать то, въ чемъ малосвѣдущъ. Особенно это надо

сказать въ отношеніи къ печатному слову. Уже если хочешь говорить о чемъ въ печати, то прежде всего спроси себя: достаточно ли знаешь, о чемъ будешь говорить? Если да, то помни еще: надо говорить честно, не искажая чужой мысли, не подмѣнивая авторитетовъ, говори, какъ предъ Богомъ.

Такъ и было въ доброе старое время. А нынѣ повелось не такъ. Нынѣ берутъ мысль, подлежащую модной переоцѣнкѣ и принадлежащую авторитету великаго мыслителя и гениальнаго учителя мудрости, и, сознавая, что съ такимъ авторитетомъ имъ не подъ силу бороться, что онъ еще достаточно силенъ въ умахъ даже нашихъ современниковъ, что возставать противъ него значило бы подвергать себя опасности извѣстнаго малень-

каго существа, что вздумало оскорблять слона,—эту мысль приписываютъ маленькому человѣку, какъ будто это—его мысль, а съ нимъ ужъ нечего церемониться: его можно и осмѣять, и окритиковать, и такимъ образомъ подорвать довѣріе, если не къ великому авторитету, о коемъ обычно умалчивается, а къ мысли, имъ высказанной; вѣдь, цѣль все равно будетъ достигнута; эта мысль, какъ мысль маленькаго человѣка, будетъ искажена, подвергнута злой критикѣ, лишена довѣрія, отброшена какъ старая ветошь... Явленіе печальное и не дѣлаетъ чести нашему „просвѣщенному прогрессивному“ времени.

На эти мысли навелъ меня г. В. Рязанскій (извѣстный псевдонимъ) въ „Колоколѣ“, передающій свою бесѣду съ „московскимъ канонистомъ“, присяжнымъ повѣреннымъ Н. Д. Кузнецовымъ. По словамъ г. Рязанскаго, г. Кузнецовъ будто бы сказалъ: „Мы никогда не забудемъ, какъ въ 1909 году (не 9, а 8-мѣ), на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ членъ его архіепископъ Никонъ, бывшій тогда вологодскимъ епархіальнымъ архіереемъ, прочелъ лекцію. (Лекціи я не читалъ, а велъ устную бесѣду). Въ ней была проведена мысль, что человѣческая земная жизнь должна служить отраженіемъ небесной. (Моя тема бесѣды была объ основномъ началѣ хрістіанской жизнедѣятельности по православному воззрѣнію). На небѣ, какъ старался разъяснить почтенный лекторъ, оказывается строй самодержавный, а потому этотъ послѣдній непременно долженъ быть и на землѣ. (Было сказано только, что именно такой строй можно считать наиболѣе соответствующимъ идеалу власти). Ссылка архіепископа Никона на небесный порядокъ для оправданія извѣстнаго политическаго строя (только политическаго строя,

а не народнаго идеала?) на землѣ казалась намъ тѣмъ большимъ соблазномъ для многихъ, что другой архіерей (г. Рязанскій называетъ его, но я не хочу пятнать имя собрата) старался доказать, что на небѣ господствуетъ какъ разъ не самодержавная идея, а конституціонная, и потому конституція въ Россіи оправдывалась бы высшей небесной жизнью“.

Доздѣ г. Рязанскій.

Ясно, что и г. Кузнецовъ, и г. Рязанскій приписываютъ мнѣ высокую честь указанія на небесный идеаль самодержавной власти. Но пусть простятъ мнѣ почтенные публицисты, если я скажу откровенно: не вѣрю я, чтобы они забыли, что я не свои мысли тогда высказывалъ, а прямо назвалъ великаго святителя, мужа мудрости и разума, совѣта и духовнаго разсужденія—московскаго митрополита Филарета. А чтобы ихъ читатели не впали въ заблужденіе и не подумали, что мнѣ принадлежитъ такая, по моему убѣжденію, высокая мысль, приведу точныя слова премудраго Филарета: пусть съ ними, а не со мною считаются упомянутые выше публицисты, пусть и читатели знаютъ, кого обвиняютъ они въ „пониженіи вселенскаго церковнаго сознанія“, въ коемъ видятъ „опасность для русской церковной жизни“. И тотъ и другой настолько учены и просвѣщенны, что, конечно, знаютъ государственное ученіе Филарета, а слѣдовательно, позволительно думать, что намѣренно умалчиваютъ о немъ, приписывая мнѣ мысли великаго святителя, чтобы легче было убѣдить читателей, что эти мысли—политиканство... Нужно ли спрашивать: честно ли это?..

Вотъ что говоритъ митрополитъ Филаретъ: „Богъ, по образу Своего небеснаго единоначалія, устроилъ

на землѣ Царя; по образу Своего вседержительства — Царя самодержавнаго; по образу своего царства непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка и до вѣка—Царя наследственнаго. О, если-бы—воселицаеть святитель,—всѣ цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и къ положеннымъ на нихъ чертамъ образа небснаго вѣрно присоединяли требуемыя отъ нихъ богоподобную правду и благость, небесную недремлемость, чистоту мысли, святость намѣренія и дѣятельности! О, если бы всѣ народы довольно разумѣли небесное достоинство Царя и устройство царства земнаго по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа,—благоговѣніемъ и любовію къ Царю, смиреннымъ послушаніемъ его законамъ и повелѣніямъ, и взаимнымъ согласіемъ и единомудріемъ удаляли отъ себя все, чему нѣтъ образа на небесахъ,—превозношеніе, раздоръ, своеволие, своекорыстіе и всякое зло мысли, намѣренія и дѣйствія!.. Всѣ царства земныя были бы достойнымъ преддверіемъ царства небснаго. Россія! ты имѣешь участіе въ семъ благѣ паче многихъ царствъ и народовъ. *Держи, еже имаша, да никто же приметъ вѣнца твоего!*“ (Апок. 3, 11).

Вотъ то, на что сослался я въ моей Кіевской бесѣдѣ. Какъ видить читатель, царство земное, по ученію святителя Филарета, глубоко основанному на словѣ Божіемъ, устрояется по образу небесному, царское самодержавіе—по образу Божія вседержительства, и царь, и подданные его должны отражать черты образа небснаго... Странно послѣ этого, что гг. Рязанскому и Кузнецову мои слова показались чѣмъ то новымъ и повели яко бы къ „большому соблазну“.

Великій святитель Филаретъ пророческимъ взоромъ своимъ какъ бы предвидѣлъ наше время, наши „соблазны“ и смугу мыслей и вѣщалъ вдохновенно: „когда темнѣетъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Россія! береги и возжигай сильнѣе твой домашній свѣтъ, потому что за предѣлами твоими, по слову пророческому, *тьма покрываетъ землю и мракъ на языки... Шаташася языцы и людие поучишася тщетнымъ*. Переставъ утверждать государственныя постановленія на словѣ и власти Того, *Кѣмъ царіе царствуютъ*, они уже не умѣли ни чтить, ни хранить царей. Престолы тамъ стали не тверды; народы обюродѣли. Не то, чтобы ужъ совсѣмъ не стало разумѣвающихъ: но дерзновенное безуміе взяло верхъ и попираетъ малодушную мудрость, неукрѣпившую себя премудростію Божіей. Изъ мысли о народѣ выработали идолъ: и не хотятъ понять той очевидности, что для столь огромнаго идола не достанетъ никакихъ жертвъ. Мечтаютъ пожать миръ, когда сѣютъ мятежъ: не возлюбивъ свободно повиноваться законной и благотворной власти Царя, принуждены рабодѣлствовать предъ дикою силою своевольныхъ скопищъ. Такъ твердая земля превращается тамъ въ волнуемое море народовъ, которое частію поглощаетъ уже, частію грозитъ поглотить учрежденія, законы, порядки, общественное довѣріе, довольство, безопасность“.

Приводить ли дальнѣйшія златыя слова великаго іерарха? Можно ли въ наше время повторить ихъ со всею ободряющею ихъ силою?..

„Но благословенъ *Запрещающій морю!* Для васъ (русскихъ людей) еще слышенъ въ событіяхъ Его гласъ: *до сего дойдеша и не прейдеши*. Крѣпкая благочестіемъ и са-

модержавіемъ Россія стоитъ твердо“...

Можно только молиться: Утверди насъ, Господи, на камени заповѣдей Твоихъ, ибо возмущилось страстей море и грозитъ той скалѣ, о которой говорилъ великій Филаретъ...

Странную претензію заявляетъ г. Скворцовъ въ своемъ „Колоколѣ“: по его мнѣнію, выходитъ, что С. Синоду не слѣдовало открывать своего „Прих. Листка“ потому, что существуетъ „добровольный полуоффиціозъ“—(читай самозванный) „Колоколъ“ и съ открытіемъ „Пр. Листка“ его „издательская касса лишилась чувствительной подписной суммы“.

Но кто же давалъ право „Коло-

колу“ считать себя полуоффиціозомъ С. Синода? Да и самъ онъ не от-крещивался ли отъ такого названія, когда лѣвныя газеты называли его „оффиціозомъ Синода? Что же касается іудея Рубинштейна, онъ не просто членъ, а директоръ Русско-франц. банка, слѣдовательно, важное лицо въ банкѣ. Слышится попрекъ и въ томъ, что, я употребилъ слово „жидъ“. Но почему не употреблять этого слова, когда оно не только имѣетъ право гражданства у всѣхъ народовъ Запада, но и въ нашемъ славянскомъ Евангеліи? Да и „Колоколъ“ до несчастнаго займа въ жидовскомъ банкѣ нерѣдко употреблялъ это слово. Я спросилъ бы г. Скворцова: что значитъ его фраза въ письмѣ ко мнѣ, что онъ „безповоротно разочаровался въ старомъ режимѣ“?

303.

Дорогія строки изъ писемъ святителя Теофана-затворника.

Есть имена, особенно близкія православному русскому сердцу: каждая строка изъ письма такого человѣка—намъ дорога, какъ памятникъ отшедшаго къ Богу мудраго и любвеобильнаго наставника въ духовной жизни, какъ бы его отголосокъ изъ того, другого міра, куда онъ ушолъ.

Таковъ былъ незабвенный подвижникъ-затворникъ епископъ Теофанъ. Прошло уже болѣе двухъ десятковъ лѣтъ, а въ духовныхъ изданіяхъ и нынѣ еще появляются его драгоценныя письма и чѣмъ-то сердечнымъ, роднымъ, задушевымъ вѣетъ отъ этого, почти неизмѣннаго начала каждого письма: „милость Божія буди съ вами!“ Искреннее спасибо тѣмъ, кто сохранилъ для насъ его дорогія строки, чего бы онѣ ни касались; будто встрѣчаешь

живого старца-святителя, когда увидишь въ оглавленіи той или другой книжки: „Письма Епископа Теофана“ къ тому-то.

Недавно вышла, какъ отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ И. Кіевской Духовной Академіи“, книжка протоіерея о. І. Королькова: „Преосвященный Теофанъ, бывшій Епископъ Владимірскій, и полковникъ С. А. Первухинъ въ ихъ взаимной перепискѣ“. Особенность этой переписки, по справедливому замѣчанію о. издателя, заключается, между прочимъ, въ томъ, что Епископъ Теофанъ не только преподавалъ С. А. Первухину совѣты по разнымъ вопросамъ, но и самъ спрашивалъ у него мнѣнія по вопросамъ аскетическаго характера, придавая значеніе его сужденіямъ. Это—непрелож-

ное свидѣтельство о его глубокомъ смиреніи и готовности отсѣчь свое мышленіе даже предъ міряниномъ, и чрезъ него узнать истинный путь Божій. Умилительно, напримѣръ, читать эти строки великаго подвижника-затворника: „Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ молиться. Совсѣмъ весь толкъ въ этомъ потерялъ... То будто нешто, то совсѣмъ никуда не гоже. Можетъ быть, книжное дѣло мѣшаетъ... но, вѣдь, надо же что-нибудь дѣлать?—Разскажите, пожалуйста, какъ быть?“—Въ другомъ письмѣ святитель говоритъ: „вы не все сказали. Мнѣ хотѣлось еще слышать вашу мысль о молитвѣ. Я понимаю молитву чувства, которая и вниманіе сковываетъ единымъ, и благоговѣйную теплоту даетъ; но не умѣю въ толкъ взять, что есть духовная молитва?... Вообще же я очень скуденъ опытами духовными“, сознается великій подвижникъ-святитель: „И молитва моя обычно идетъ дурно... Все уходитъ умъ въ пустомысліе. Никакъ не сладишь. Какъ его ни тани, никакъ не присадишь на мѣсто. Вы какъ думаете?“ Какъ поучительно это смиренное мнѣніе о своемъ духовномъ опытѣ въ дѣлѣ молитвы Епископа Теофана, особенно въ наши дни, когда иной, только что надѣвшій на себя рясу монаха, уже мнитъ себя быть учителемъ молитвеннаго дѣланія, пишетъ цѣлыя книги о предметѣ, коего и краемъ перста не касался, и въ духѣ гордыни дерзаетъ осуждать не только святителя-затворника, но и всю церковную власть за мнимую ересь, самъ будучи близокъ къ ереси!... Печальное знаменіе времени, скорбное явленіе, свидѣтельствующее объ удаленіи отъ животворнаго духа смиренія Христова даже тѣхъ, которые должны бы идти впереди другихъ!

Тѣмъ же духомъ смиренія и вмѣ-

стѣ неисчерпаемаго благодушія вѣетъ и отъ письма, коимъ отвѣтилъ преосвященный Теофанъ на желаніе Первухина поселиться близъ Вышенской пустыни, чтобы постоянно пользоваться личною бесѣдою съ святителемъ: „что вы намѣрены около меня поселиться, не могу одобрить. Самый худой дѣлаете вы выборъ. Соблазновъ отъ моей дурной и нерадивой жизни не оберетесь. Рѣчи иногда таки бываютъ сносныя, а ужъ дѣла—Боже упаси! Я затѣмъ и въ пустыню ушолъ, чтобы не разорять душъ хрістіанскихъ своею дурнотою, и чтобы невѣдущихъ меня хоть словомъ попользовать, въ чаяніи, не сжалится ли ради того надо мною Господь и не дастъ ли хоть подъ конецъ жизни духъ покаянія въ очищеніе грѣховъ моихъ—и великихъ, и безчисленныхъ“.

Особенною глубиною мысли отличаются тѣ письма, въ коихъ святитель говоритъ о безтѣлесности ангеловъ и души человѣческой, въ опроверженіе мыслей еп. Игнатія Брянчанинова. „Мысли о формѣ души и ангеловъ лучше бы отложить въ сторону. Лучше ужъ такъ говорить: они—духъ, а какъ они есть—не вѣдаю. Разсужденіями о формѣ затемняется мысль одуховности. Духъ, имѣющій протяженную форму, предѣльность, очертаніе, подлежащій тремъ измѣреніямъ—въ длину, ширину и высоту—что за духъ? Трехмѣрное протяженіе мыслимо ли безъ частей раздѣляемыхъ? И мыслимъ ли духъ дѣлимый? Слѣд., эти понятія несочетаваемы въ одномъ и томъ же существѣ. Если духъ, то не протяженъ, и если протяженно что, то не духъ“.—Затѣмъ, приведя указанія на святыхъ отцевъ, которыхъ святитель подробно уже разбиралъ въ своей книжкѣ: „Душа и ангелъ—не тѣло, а духъ“, онъ говоритъ: „остается рѣшить, какъ они являют-

ся въ протяженной формѣ и дѣйствуютъ на вещественные предметы?— Лучшее рѣшеніе: какъ имъ Богъ опредѣлилъ, такъ и дѣйствуютъ, такъ и являются. Бѣда у насъ одна—привычка все оформлять. О чемъ ни стань разсуждать, все вставляется въ форму. И о Богѣ разсуждать не можемъ безформно, какъ ни толкуемъ себя, что этому не слѣдуетъ быть. Тутъ мы съ собою ничего не подѣлаемъ. Остается одно: властно повелѣть себя—не смѣй пространственной формности переносить въ міръ духовный. Хотя не можешь совершенно отрѣшиться отъ этой формности при размышленіи даже о духовномъ мірѣ и даже о Богѣ, но вѣрь, что тамъ эта категорія не приложима“.

Положивъ это правило „указомъ“, святитель сознается однако же, что „трудно представить душу или ангела иначе, нежели какъ они являются... Спросите: кто, разсуждая объ нихъ, не воображаетъ ихъ такими? И я это всегда дѣлаю, вѣрно и вы, и всѣ другіе. Признаюсь, мнѣ часто приходитъ на мысль—не уступитъ ли тѣмъ, которые придаютъ душѣ и ангеламъ оболочку тонковещественную? Тогда всѣ недоумѣнія относительно формы порѣшатся сами собою. Естество души и ангеловъ будетъ духъ, сознательная, свободно-разумная сила, а оболочка эфирная будетъ придатокъ къ сему естеству, приданный ради необходимости ихъ являться и дѣйствовать среди вещественнаго міра. И св. Максимъ Исповѣдникъ, порицая считавшихъ душу и ангела тѣломъ, говоритъ однакоже: иное дѣло имѣть тѣло, и иное быть тѣломъ. Онъ будто говорить, что ангелъ не тѣло, а имѣетъ тѣло, по крайней мѣрѣ не порицаетъ такой мысли. А я той мысли, что если ужъ не можемъ отрѣшиться отъ формы при представ-

леніи души и ангела, то гораздо рациональнѣе будетъ признать ихъ облеченными въ тонкое какое тѣло. нежели признавать ихъ духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ допускать и доказывать, что они имѣютъ и форму протяженную по своей природѣ, ибо въ послѣднемъ противорѣчіе себя, а въ первомъ ничего сего нѣтъ“.

Святитель видимо глубоко вдумывался въ вопросъ о безтѣлесности духовъ, взвѣшивалъ все, что собралъ въ своихъ писаніяхъ по этому вопросу преосвященный Игнатій и, нѣтъ сомнѣнія, если бы послѣдній дожилъ до того, что писалъ первый, то они оба сошлись бы въ этомъ вопросѣ на подобномъ рѣшеніи, какое только-что приведено нами изъ письма Епископа Теофана. Подходя къ такому рѣшенію очень осторожно и „уступая“ въ вопросѣ о нѣкоемъ „тонкомъ тѣлѣ“, какое имѣютъ духи для воздѣйствія на міръ вещественный, Епископъ Теофанъ разсуждаетъ: „Мы не можемъ ни о чемъ мыслить безъ значка, безъ черты какой-либо, означающей и отличающей мыслимый предметъ. На самые отвлеченные идеальные предметы мысль кладетъ значекъ и подъ симъ значкомъ ихъ представляетъ. Даже когда о Богѣ мыслить и свойствахъ Его, то же она дѣлаетъ“.

Какъ эти сужденія было бы полезно принять къ руководству тѣмъ афонитамъ, къ которымъ, несомнѣнно, относится строгое правило св. Григорія Богослова: „какъ больному глазами нельзя смотрѣть на солнце, такъ и неученому въ богословскихъ наукахъ нельзя и учить о новыхъ догматахъ“. Я разумно имѣющихъ, которые—увы!—дерзнули и самого святителя Теофана обвинять въ искаженіи св. отцевъ и упорно обвиняютъ какъ вселенскихъ патріарховъ, такъ и нашъ Св. Синодъ чуть ли не въ ереси...

Есть въ письмахъ строки, очень характерныя для самого святителя и поучительныя для мірянъ, внимающихъ своему спасенію. Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „Я совѣмъ не жилъ среди молвы житейской. Все одинъ да одинъ. Потому совѣмъ не могу судить, насколько смутительны шумъ и гамъ житейскій, и какъ держать душу свою прямо при нихъ.—Когда я жилъ въ Питерѣ, помню, хаживалъ къ Бурачку¹⁾ по Невскому, задавая себѣ, не принести ли въ нему, ни отъ него домой никакого впечатлѣнія отъ того, что встрѣчалось на Невскомъ. а вы знаете, что это за толкотня?!—Иногда это удавалось. Бываютъ состоянія, что человѣкъ, видя, не видитъ, слыша, не слышитъ, отъ того, что войдетъ вниманіемъ въ иной предметъ... Вотъ сію вещь надо вамъ устроить у себя дома, т. е. въ сердцѣ. Тогда изъ пушекъ пали—и то не слышно. Архимедъ язычникъ—и въ вещи не первой важности вошелъ такъ глубоко вниманіемъ, что его враги застали углубленнымъ послѣ взятія города, которое безъ большого шума не могло быть“.

Невольно вспоминается, что когда святитель былъ въ Москвѣ для совѣта съ врачами по случаю болѣзни своихъ глазъ, то приказывалъ аеонцамъ Пантелеймоновскаго подворья, у коихъ останавливался, чтобы не сопровождали его по городу, а если нужно проводить, по незнанію улицы, то провожатый долженъ былъ идти позади, поодаль отъ него. Иноки такъ и полагали, что онъ и въ путешествіи бываетъ погруженъ въ молитву или богомысліе. Объ этомъ съ глубокимъ почтеніемъ къ святителю-подвижнику тогда же пе-

редавали мнѣ аеонскіе иноки, жившіе тогда въ Москвѣ.

Для богослова интересно прочитывать мнѣніе Епископа Оеофана о значеніи духовныхъ видѣній: „видѣнія, пишетъ онъ, не суть представленіе духовнаго міра, какъ оно есть въ дѣйствительности, а только назначаются для того, чтобы дать вкусить сладость онаго вѣка и тѣмъ очистить вкусъ души—къ духовному и дать ей ощущать горечь всѣхъ сластей земныхъ, человѣческихъ, не исключая и тѣхъ, кои носятъ имя невинныхъ удовольствій“. „Форма не выражаетъ существа тамошнихъ вещей, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, ибо они не похожи на наши, и видѣнія не для того даются, чтобы дать познаніе, а сердце оторвать отъ земли. Потому—форму надо въ сторону, а все отдавать этой единой цѣли“.—Святитель спрашиваетъ Первухина: что онъ думаетъ по сему вопросу? Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ оговаривается: „Рѣчь о видѣніяхъ ужъ не лучше ли оставить? Грѣшнымъ куда лѣзть на такую высоту? Я припомнилъ подобный случай въ Скитскомъ околотеѣ. Тамъ старецъ одинъ въ подобномъ случаѣ сказалъ: ну, монахи полѣзли на небо звѣзды считать и забыли про грѣхи, кои слѣдуетъ оплакивать“...

Въ заключеніе приведемъ здѣсь поучительную выдержку о времени празднованія Новаго года: „О времени Новаго года что спорить?—Отъ этой минуты, въ которую читаете сіи строки, до соотвѣтственной ей минуты слѣдующаго года—ровно годъ пройдетъ и прошолъ уже съ подобной минуты прошлаго года. И извольте признать сію минуту началомъ Новаго года, и какъ всякая минута такого же свойства, то всякую минуту и празднуйте Новый годъ! Есть у святыхъ Божіихъ мысль,

¹⁾ Бурачекъ Степ. Онис., издатель „Малка“.

что началомъ своей жизни должно считать минуту пробужденія страха Божія и рѣшимости угождать Ему. Это есть настоящее начало новаго лѣта. Потомъ иные учатъ: каждый день начинай, а иные—каждую минуту начинай, т. е. жизнь-то по Богу. Слѣдовательно, каждая минута и да будетъ для насъ началомъ новолѣтія духовнаго... чтобъ непрестанно обновляясь, расти въ обновленіи жизни по Богу въ правдѣ и преподобіи истины... А эти гражданскіе счеты—какъ себѣ хотятъ, такъ и пусть считаютъ“.

Не приводимъ уже извѣстнаго любителямъ слова Божія мнѣнія святителя Теофана о переводѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завета на русскій языкъ: онъ крѣпко держался мысли, что не слѣдуетъ пе-

реводить съ еврейскаго, что греческій переводъ 70-ти для насъ важнѣе еврейскаго подлинника.

Вообще письма святителя Теофана къ разнымъ лицамъ всякаго общественнаго положенія и званія составляютъ неизсякаемый источникъ назиданія и читаются съ такимъ захватывающимъ интересомъ, что нельзя не поблагодарить всѣхъ, кто тщательно сберегъ ихъ и теперь даетъ возможность любителямъ духовнаго чтенія ими пользоваться. Особенно надо поблагодарить Леонскій Пантелеймоновскій монастырь за полное изданіе не только всѣхъ его писемъ (въ 8 выпускахъ, съ указателемъ къ нимъ¹⁾), но и всего, что вышло изъ-подъ пера великаго труженика-писателя о духовной жизни.

304.

Лучи надежды въ страшную годину.

Господи, въ какое страшное время мы живемъ! Не говорю о войнѣ, небывалой еще въ лѣтописяхъ міра по своей жестокости, безчестности, по обилію истребляемыхъ людей, по безумному безсмыслию слугъ сатаны, подвергающихъ всѣ святыни поруганію... Но посмотрите, что творится въ вѣдрахъ нашего отечества. О чемъ думаетъ большинство нашихъ законодателей? О, конечно, они говорятъ: о побѣдѣ во что бы то ни стало, но дѣло показываетъ, что на умѣ у нихъ совсѣмъ другое: они мечтаютъ использовать бѣдствія отечества, чтобъ добиться „отвѣтственности министровъ“, „равноправія всѣхъ національностей“, всѣхъ вѣръ, словомъ—столь имъ милой конституціи... О чемъ заботятся больше всего наши купцы, фабриканты, всякаго рода промышленни-

ки? О прибыляхъ, больше всего о наживѣ, и съ цѣлю наживы поднимаютъ цѣны на все, буквально обираютъ бѣдняка, заставляютъ его умирать съ голоду... Ихъ богатства растутъ за счетъ народа, за счетъ государства; денегъ дѣвать некуда, и вотъ—какъ будто какой-то злой духъ подшептываетъ имъ: „да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ! Будемъ пить, ѣсть, наслаждаться всѣми удовольствіями жизни: все равно, вѣдь, умремъ—достанется наше богатство другимъ“... И исполняется извѣстный законъ: что дешево достается, это не цѣнится, и расточается, безумно расточается это, недобромъ нажитое, стяжаніе, расточается на

¹⁾ Каждый выпускъ 75 к. Адресъ: Москва, Никольская ул., часовня великомученика Пантелеймона.